

Глава 9. Государь направляет слуг благопристойностью, а слуги платят ему верностью

Чун И крепко прижал Фу Исяня к себе. Услышав признание в том, что в сердце того исстари теплилось чувство к нему, он ощутил невыразимое, сладостное облегчение. Юношеская кровь горяча, особенно когда страсть взаимна. И пускай Чун И повидал на своем веку немало людей, этот человек, стоявший сейчас перед ним, оставался особенным, ни на кого не похожим. Нетерпение захлестнуло императора, и он наотрез отказался выпускать Исяня из объятий.

Прежде, видя то гнев, то обиду Чун И, Фу Исянь испугался, что государь изнурит себя душевными терзаниями, и поспешил утешить его. Те слова — «ты всегда был в моем сердце, просто не знал об этом» — сорвались с губ сами собой, ведь Исянь действительно так думал и не видел в признании ничего дурного. Но теперь, когда император Юйчэн распалился и возжелал оставить его на ночь в боковом зале Резонирующей Гармонии, Исянь осознал всю опасность положения. Согласиться на это он никак не мог. Однако его держали столь крепко, что вырваться силой, не нарушив приличий, было невозможно. Он оказался в ловушке.

— Ваше Величество, внешним чиновникам без веской причины негоже оставаться в покоях дворца на ночь.

— Какой же ты внешний чиновник? Ты ведь...

Заметив, с какой лукавой ухмылкой Чун И придвинулся к нему, Исянь испугался: император по своей капризной привычке мог наговорить лишнего, а прислужники подслушают и разнесут слухи по всему дворцу. Он поспешно перебил государя:

— Ваш покорный слуга лишь скромный бакалавр-чтец четвертого ранга, а вовсе не императорский родич. С чего бы мне не быть внешним чиновником? Ваше Величество наверняка помнит, как в былые годы император Чанлэ из-за своей слепой благосклонности к бакалавру Академии Ханьлинь Лю Мо навлек на себя «Мятеж в зале Вэньдэ». В итоге государь был вынужден отречься от престола в пользу императора Дэю. Чтобы предостеречь потомков, покойный Дэю установил незыблемое правило: ни один чиновник извне не смеет ночевать во дворце. С тех пор исключений не знали. Сегодня я не останусь в зале Резонирующей Гармонии, и Ваше Величество не должен преступать закон предков ради меня.

Закончив эту порывистую речь, Фу Исянь отвернулся и больше не удостоил Чун И ни единым взглядом.

Эти слова возымели действие. Чун И, уже склонившийся так близко, что мог уловить тонкий аромат, исходивший от Исяня, застыл. Речь бакалавра подействовала на него подобно ушату ледяной воды. Досада тисками сжала грудь, но возразить было нечего. Император нехотя разжал объятия и, отвернувшись, замер у окна.

— Фу Сяошань, в поднебесной найдется немало тех, кто смеет мне прекословить. Отыщутся и те, кто готов поучать меня, прикрываясь заветами предков. Но ты — единственный, кто ухитряется одновременно отвергать меня и читать нотации, не давая сорвать на тебе злость и

заставляя мое сердце исходить горечью.

— Ваше Величество, всякое деяние должно опираться на закон. Император Дэю сам пережил смуту в зале Вэньдэ и потому установил это правило, которое никто не смел нарушать целое столетие. Если сегодня из-за вашего покорного слуги государь преступит запрет, я стану вечным грешником перед лицом всей империи. Как говорится, государь направляет слуг благопристойностью, а слуги платят ему верностью. Государю также подобает совершенствовать собственную добродетель. Правитель, вершащий дела на благо народа силой своей добродетели, подобен Полярной звезде: она недвижимо покоится на своем месте, пока все созвездия смиренно склоняются перед ней. Лишь тогда сердца людей во всех четырех морях обратятся к престолу.

Видя, насколько Исянь серьезен, Чун И невольно повернулся и послушно выслушал наставление. Эти высокопарные речи о монаршей добродетели начисто вымели из его души остатки любовного пыла, оставив лишь гнетущую пустоту.

Заметив, что император молчит, Фу Исянь негромко продолжил:

— Ночь близится ко второй страже. Вашему Величеству следует немедленно отослать меня из дворца, дабы не пропали даром мои скромные старания сберечь ваше честное имя.

Чун И долго всматривался в лицо Исяня, но тот лишь стоял в смиренном поклоне, терпеливо дожидаясь дозволения уйти. Император невольно вспомнил утреннюю сцену на помосте для смотра войск. Нахлынувшая вдруг усталость лишила его сил спорить дальше.

— Пусть Ван Юаньчэнь проводит тебя до усадьбы.

— Не стоит обременять евнуха Вана, я...

Император прервал его на полуслове, нахмурившись:

— Фу Сяошань, неужели ты готов отвергать любое мое слово? Почему ты столь упрям и неблагодарен?

Исянь рассудил, что сегодняшних волнений и без того хватило с лихвой. Ночной час близился к третьей страже, и на улицах города уже не сыскать было праздных носильщиков. Не желая препираться из-за подобных пустяков, он молча склонил голову в знак согласия.

Вскоре скромный паланкин, обтянутый фиолетовым бархатом, торопливо миновал внутренние переходы и приблизился к Западным дворцовым воротам. Стражники, несшие ночную вахту, с изумлением воззрились на столь поздний экипаж, однако, заметив подле него шагающего величественной походкой Ван Юаньчэня, мигом смекнули: внутри везут важную особу. Дворцовая гвардия не посмела выказать и тени непочтения. Забыв о проверке пропусков, они

поспешно отсалютовали и распахнули тяжелые ворота. Фиолетовый паланкин беспрепятственно выкатился за пределы запретного города и направился напрямик к улице Делюн.

Проводив гостя до ворот поместья, Ван Юаньчэнь поспешил обратно во дворец. Войдя в покои, он обнаружил, что Владыка десяти тысяч лет даже не думал ложиться — он одиноко сидел у раскрытого окна, устремив задумчивый взгляд в темноту. Заметив вернувшегося слугу, император жестом подозвал его ближе.

— Юаньчэнь, почувствовал ли ты какой-нибудь запах, когда провожал Сяошаня?

Евнух Ван на мгновение растерялся. Он усердно перебрал в памяти подробности недавней поездки и вдруг встрепенулся:

— Раз уж Ваше Величество упомянул об этом, ничтожный слуга действительно припоминает... От Бакалавра Фу исходил едва уловимый, но знакомый аромат. Кажется, то был запах мускуса и орхидеи.

Чун И медленно кивнул.

— Верно. Это благовоние «Мускус и орхидея». Когда-то оно предназначалось исключительно для нужд императорского двора, однако покойный государь пожаловал его принцу Чжуану, Чун Яньцзи, отчего его сына и прозвали Господином Мускуса и Орхидеи. С тех пор я приказал убрать эти благовония из своих покоев, а всю ежегодную дань из мусульманских земель отправлять напрямик в усадьбу принца Чжуана. Кто бы мог подумать, что сегодня я почувствую этот запах от Сяошаня.

Ван Юаньчэнь благоразумно промолчал. Опустившись на колени у ног Чун И, он принялся усердно и мягко разминать государю уставшие голени.

— Юаньчэнь, завтра же вели снять со стены ту резьбу по дереву — «Увядающую сливу в тающем снегу».

Мятеж в зале Вэньдэ

В девятнадцатый год правления под девизом Синин на императорских экзаменах первенствовал ученый по имени Лю Мо, носивший второе имя Цзиньян. Его блистательный талант поразил всех присутствующих, и сам император начертал его имя во главе списка победителей. По заведенному порядку Лю Мо определили на службу в Академию Ханьлинь. То была праздная должность, и поскольку Лю Мо всем сердцем тянулся к буддийскому учению, он проводил дни за переводом и толкованием сутр. Позже, выбрав самое ценное из своих трудов,

он составил трактат под названием «Запредельные суждения Лю Цзиньяна».

Случилось так, что этот свиток попал в руки императору Чанлэ, Чун Сирону. Самодержец, и сам питавший слабость к сокровенным истинам, счел обретенное писание величайшим сокровищем. Он велел призвать Лю Мо во дворец. Они вели долгие беседы, состязались в толковании коанов и быстро ощутили душевное родство, сокрушаясь лишь о том, что не встретились раньше. С тех пор правитель без конца призывал Лю Мо к себе. Со временем ученый стал оставаться во дворце на ночь, а вскоре их близость переросла в запретную страсть.

Несмотря на то что у государя была законная императрица, сладость тайных утех с прекрасным юношей пленила Чанлэ без остатка. Забыв о гареме, он даже вознамерился пожаловать фавориту титул наложницы. Лишь когда все придворные пали на колени, умоляя пощадить устои государства, император неохотно отступился от этой мысли.

Мать государя скончалась рано, и во внутреннем дворце не осталось никого, кто мог бы умерить его прихоти. Чувствуя вину перед возлюбленным, император призвал к престолу братьев и родственников Лю Мо, осыпав их чинами и щедрыми дарами. Уверовав в собственную безнаказанность, родичи временщика прибрали к рукам власть и принялись бесчинствовать в столице. Сановники люто ненавидели выскочек, но трепетали перед силой фаворита.

В тридцать третий год правления Синин император Чанлэ пожаловал своему старшему брату Чун Цзиньваню титул принца Дэ. В том же году шестнадцать военачальников, включая командира Доблестной кавалерии, тайно собрались в усадьбе новоявленного принца и принесли кровную клятву — изничтожить Лю Мо и искоренить его клику. Когда принц Дэ во главе заговорщиков ворвался в зал Вэньдэ, государь безмятежно играл с любимцем в шахматы. Не говоря ни слова, принц взмахнул мечом и обезглавил Лю Мо на глазах у владыки, после чего воины перебили всю его челядь. Обезумевший от горя император Чанлэ бросился к окровавленной голове, прижимая ее к груди и с плачем созывая лекарей, дабы те вернули юношу к жизни. Объявив, что правитель лишился рассудка под действием злых чар, принц Дэ повелел запереть его в зале Вэньдэ под строгую охрану.

В тридцать четвертом году Синин весь род Лю Мо до девятого колена, насчитывавший сто тридцать четыре человека, был предан суду и обезглавлен.

В тридцать пятом году Синин было объявлено об отречении императора Чанлэ в пользу Чун Цзиньвана, который вззошел на трон как император Дэю, изменив девиз правления на Синчжэн. В том же году Чун Сирон повесился в запертом зале Вэньдэ.

Во второй год правления под девизом Синчжэн император Дэю под предлогом соблюдения траура по покойному брату учредил особое охранное войско и расквартировал его в Западных горах. Впоследствии этот гарнизон расширился и получил название «Армия Синин». Размещенная на западе от столицы, она стала противовесом лагерю Доблестной Кавалерии, расположенному на севере, дабы обе силы удерживали друг друга в повиновении.

<http://bllate.org/book/19874/2038457>